

Д.М. Бернс

**Франклин Рузвельт
Человек и политик**

ББК 84(7Сое)
Б51

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Бернс Джеймс Макгрегор
Б51 Франклин Рузвельт. Человек и политик / Пер. с англ.
Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. —
623 с.

ISBN 978-5-521-73254-8

Автор книги о Франклине Рузвельте, впервые в истории США избранного президентом на третий (в 1940 г.), а затем и на четвертый (в 1944 г.) срок, — историк, профессор Джеймс Макгрегор Бернс, в 40-е годы работал помощником конгрессмена в Белом доме и изнутри познакомился с политической кухней Америки, в частности с деятельностью администрации президента. В своей книге Бернс дает подробную характеристику президенту и как человеку, и как политику. Огромный пласт малоизвестного у нас исторического материала с неожиданной точки зрения показывает большую игру как захватывающую интригу борьбы интеллектов и характеров.

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-521-73254-8

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

Государь не должен иметь перед собой никакой иной цели, никакой иной мысли, кроме как о войне, ее методах и ходе ведения, потому что это единственная сфера знания, необходимая тому, кто правит... Государь должен изучать историю, обращать внимание на деяния великих мужей в исторических обстоятельствах, выяснять причины их побед и поражений... Мудрый государь должен приобретать такие привычки... для того чтобы быть готовым удержать фортуна, если она отворачивается от него.

Макиавелли. Государь. 1532 г.

История плетется с ненадежным светильником по колею прошлого, пытаясь воссоздать ушедшие события, оживить былые звуки, разжечь тлеющей лучиной бурные страсти прошлых дней. Что можно почерпнуть из всего этого? Единственным гидом человека является его совесть. Только честность и искренность его поступков могут сохранить добрую память о нем. Весьма неразумно шагать по жизни без такой охраны, потому что мы часто оказываемся в жалком положении, когда рушатся наши надежды и расчеты. Но с такой защитой мы всегда сохраним честь, как бы судьба ни играла нами.

Речь Уинстона Черчилля в палате общин британского парламента, 9 ноября 1940 г.

Понимаете ли вы, что не существует никакой определенной (ненавижу это слово), раз и навсегда написанной краткой истории наших войн? ...Нам следует... снова и снова следить за тем, как бьется изо дня в день пульс общественного мнения, как влияют события на различные категории граждан, как ведется пропаганда, какую роль играют газетные бароны... Эта работа не легче, чем война. Это не просто скучная история... Это попытка поймать великую мечту раньше, чем она погибнет.

Письмо Франклина Д. Рузвельта Арчибалду Маклейшу от 9 июня 1943 г.

*Посвящается Джоан, Дэвиду, Стюарту и Салли,
Деборе, Тринаху, Бекки, Питеру*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема, которая выносятся на обсуждение в этой книге, состоит в том, что Франклин Д. Рузвельт в качестве военного лидера как бы состоял из двух частей. С одной стороны, человек твердых принципов, одержимый идеалами и верой, склонный планировать на много лет вперед. С другой — реалистичный политик, весьма осторожный, преследующий узкопрактические, краткосрочные цели, готовый всегда отстаивать свою власть и авторитет в обстановке изменчивых настроений и капризов судьбы. Этот дуализм характерен не только для Рузвельта, но и для его советников, — притом что Генри Стимсон и другие деятели убеждены в «правоте» своего дела, а иные следуют древней практике «Государя». Дуализм проник в умы всех американцев, метавшихся между евангелическим идеализмом, сентиментальностью, утопизмом одной эпохи и традициями национального эгоизма, изоляционизма и расчетливости — другой.

Этот дуализм пророка и государя не представляется четко очерченным. Нельзя разложить по полочкам сложное борение ума и сердца Рузвельта или сочетание неясной идеологии и изменчивой политики США. Нет универсального ключа к тому, чтобы понять подход Рузвельта к войне. Анализ деятельности его военной администрации требует поднять целый ряд тем.

Одна из них — происхождение холодной войны. Причины вражды России и Запада после Второй мировой войны многосложны и имеют глубокие корни в российской, европейской и американской истории; я пришел, однако, к выводу, что решающий поворот к холодной войне произошел как раз во время столкновения с нацистами, в тот самый период, когда отношения Великобритании, США и России внешне переживали чуть ли не эйфорию, — во всяком случае, так они выглядели.

Другая тема — трансформация президентской власти. Именно во Вторую мировую войну — третий срок президентства Рузвельта, — а не в прежние годы — «нового курса» — заложены основы современного президентского правления. Судами поддержаны санкционированные президентом ограничения свобод, например в

сфере японо-американских отношений. Конгресс сохранял строптивость во второстепенных вопросах, но в целом проявлял уступчивость в решении важных проблем. Война потребовала усилить влияние президентской власти: окрепла «президентская пресса», бюрократия приспособила к войне свои методы работы.

Третья тема затрагивает перемены в американском обществе. Война вообще чревата социальными переменами. Вторая мировая война пробрала американцев до мозга костей. Миграция белых и черных американцев на большие расстояния; совершенствование методов ведения войны Соединенными Штатами и другими странами; создание более эффективной и опасной военной промышленности, особенно атомной и электронной, — все это имело революционные последствия для американского общества.

Но всегда нужно помнить о дуализме военной стратегии Франклина Рузвельта, а также настроений и действий американцев, ибо этот дуализм объясняет все менее значительные проблемы, доставшиеся от войны. Именно потому, что Рузвельт действовал как солдат, стремящийся добыть победу с минимальными потерями жизни американцев, и как идеолог, добивающийся «четырёх свобод» для всего человечества, его великая стратегия страдала противоречиями, которые испортили отношения США с Россией и Азией. В какой-то мере как раз потому, что Рузвельт смотрел на Белый дом как на свой личный офис, последующие главы исполнительной власти столкнулись с острой проблемой — проблемой руководства гигантскими бюрократическими учреждениями, возникшими на берегах Потомака. Отчасти действительно потому, что федеральная власть во время войны не справилась с управлением быстротекущими социальными и экономическими процессами, особенно в сфере расовых отношений, войной ускоренных; что ей не удалось соблюсти баланс интересов в обществе, — упомянутые процессы вышли из-под контроля.

Все это не умаляет тем не менее значения Рузвельта как политика. Он подхватил знамя Вудро Вильсона, разработал новые символы и программы, с тем чтобы реализовывать вечные идеалы мира и демократии, мечом и пером победил своих врагов и умер в последнем отчаянном усилии построить всемирную цитадель свободы. Он заслуживает внимания и сегодня, особенно со стороны тех, кто отвергает старые догмы государей и добивается того, чтобы народы и государства строили свои отношения на идеалах любви и веры. Он был истинным солдатом свободы — во всем символическом и ироничном смысле этих слов.

Дж. Бернс

Пролог ОСЕНЬ 1940 ГОДА

Сквозь вечернюю мглу, окутавшую южную лужайку, деревья и за ними — Гудзон, пробивался свет из особняка. Внутри, среди многочисленных родственников и друзей президента, поглощавших яичницы-болтуни, нарастало ликование, по мере того как с трясущихся телетайпов поступали новые сообщения об итогах выборов. Президент, без пиджака, с распушенным галстуком, сидел в небольшом окружении в столовой, перед разостланными листами сводок. Была ночь после голосования — 5 ноября 1940 года.

К полуночи обитатели дома бросились к окнам, услышав снаружи шум, — там началась суматоха. Помощники Франклина Делано Рузвельта обеспечивали свободный проход для президента в поющей, возбужденной толпе соседей его семейного обиталища в Гайд-Парке, собравшейся у портика. Горели факелы, тени их пляшущих огненных языков играли на кронах хвойных деревьев, что огораживали кусты роз, на длинной белой балюстраде. Оркестр отбивал бравурный марш. Трепетал на ветру плакат: «Третий срок обеспечен!»

Открылась дверь; Франклин Рузвельт, прихрамывая, опираясь на плечо сына, двинулся к балюстраде. Вспышки фотокамер высвечивали его лицо — дородное и красное. Президента сопровождали мать Сара, супруга Элеонора, сыновья Франклин и Джон с женами. В глубине портика, поодаль от всех, стоял взволнованный Гарри Гопкинс; он тыкал кулаком в ладонь, победно пританцовывая. Сквозь толпу протискивался парень с плакатом, на котором слова «Третий срок обеспечен!» были написаны поверх «Долой крадущего третий срок!». Президент вместе со всеми потешался над этим.

Наконец-то вот он — момент, когда Рузвельт почувствовал огромное облегчение. Ранним вечером его еще тревожили сводки из Нью-Йорка; но гораздо важнее, что несколько недель его беспокоили зловещие силы, готовые, казалось, примкнуть к оппозиции. Он полагал также, что слишком много сограждан настроены на умиротворение Гитлера. Допускал, что большинство искренне считают свою позицию благом для страны, но она все равно проистекала из мате-

риализма и эгоизма. Доходили не вполне внятные сигналы о тайной деятельности «пятой колонны». В тот вечер, когда велся подсчет голосов, Рузвельт, обращаясь к Джозефу Лэшу, заметил:

— Кажется, нам удалось предотвратить путч, Джо.

Но сейчас, стоя перед массой людей, президент мог забыть о напряжении предвыборной кампании и выборов. Он шутил с собеседниками и предавался воспоминаниям о давнем поразительном торжестве в Гайд-Парке, где, по традиции, отмечались ночью победы на выборах.

— Некоторые седобородые старцы вроде меня, — говорил он, — помнят 1912 год и даже 1910-й. Но немногие, думаю, свидетели торжеств в Гайд-Парке помнят, как и я, более ранние события. А я утверждаю, что помню, хотя мои родные не верят в это, первые выборы — Гровера Кливленда, в 1884-м.

Мне в то время было полтора года, но факельное шествие той ночи осталось в памяти...

А этот малец, Франклин Рузвельт-младший, — он только что интесировался, стану ли я президентом третий срок подряд, — тоже запомнит нынешнюю ночь. Он там, в той комнате, ему тоже сейчас полтора года...

Нас ожидают трудные времена, но в будущем я останусь для вас тем же Франклином Рузвельтом, которого вы знали многие годы.

Я всегда был и останусь с вами.

ГАЙД-ПАРК

«Тем же Франклином Рузвельтом, которого вы знали...» Немногие в толпе, должно быть, помнили Франклина подростком, когда он бродил по полям в снегоступах, подстреливал птиц для коллекции, катался на коньках и буерах по ледяной поверхности Гудзона. Затем он стал бывать в Гайд-Парке реже, — каждую осень парень отправлялся учиться: четыре года — в Гротон и еще четыре — в Гарвард.

Возвращался к вдовствующей матери, но ненадолго. Вскоре Франклин женился, весьма кстати, на своей дальней родственнице Элеоноре Рузвельт, племяннице президента Теодора Рузвельта. И снова покинул Гайд-Парк — на этот раз ради Манхэттена, где изучал право и практиковал в качестве юриста. Стал часто появляться в Гайд-Парке осенью 1910 года, когда целеустремленно боролся на выборах за место сенатора в Нью-Йорке. Но после этого снова удалился в другие края, в Олбани, где прожил два года в качестве демократа — противника коррумпированного Общества Таммани; потом переехал в Вашингтон, где был помощником морского министра в администрации Вудро Вильсона. В 1920 году исколесил страну, добиваясь поста вице-президента.

Затем Рузвельт неожиданно вернулся домой снова. Тело его, казалось, стало сокращаться, длинные ноги отказывались ходить. Поли-

тическая карьера рухнула. Семь лет, оставаясь в Гайд-Парке, он искал средство излечения от детского паралича, ползая по пустующим пляжам Флориды, принимая целебные ванны в Уорм-Спрингсе, штат Джорджия. Франклин не нашел такого средства. Но нашел себя — занял устойчивую политическую позицию, сделал самые высокие политические ставки. В 1928 году друзья помогли ему перебраться в Олбани, откуда он в течение четырех лет руководил в качестве губернатора штатом Нью-Йорк. В марте 1933 года, в обстановке углублявшейся экономической депрессии, отправился из Гайд-Парка в Вашингтон, чтобы восемь лет энергично руководить страной, переживавшей кризисы и относительные подъемы.

И вот 1940 год. Рузвельт расстался с надеждой добиться третьего срока президентства традиционным путем, поскольку ему противостоял опасный соперник в лице Уэнделла Уилки. Он погрузился в водоворот изменчивых политических альянсов и яростных споров о внешней политике. Ему досаждали изоляционисты в обеих партиях, профсоюзный ренегат Джон Л. Льюис, наметившийся разлад с прежним руководителем его выборных кампаний Джеймсом А. Фарли. На политическую обстановку в Америке оказывала преобладающее влияние фигура Гитлера. Президенту, более всего дорожившему свободой выбора и возможностью распоряжаться временем, пришлось в разгар предвыборной кампании передавать Англии эсминцы и призывать на военную службу американских парней.

Победа на выборах давалась дорогой ценой. В последние, решающие дни Рузвельт сделал изоляционистам весьма нежелательные уступки. После того как Уилки прямо высказал прогноз: третий срок президентства повлечет за собой диктатуру и войну, Рузвельт решительно заверил «матерей Америки», что их «сыновья не будут посланы воевать за рубеж». Между тем в отношении Гитлера он несколько месяцев проводил идею: фашизм повсюду — угроза демократии; нацисты не удовлетворятся захватом Европы, но с помощью своих младших партнеров — Италии и Японии — попытаются прибрать к рукам в конечном счете весь мир. И вот на фоне этого такое категоричное обещание матерям Америки!

Теперь он снова достиг апогея власти и престижа. Но кем был на самом деле Франклин Рузвельт? Искусным политиканом, сумевшим выстоять под градом политических выпадов республиканцев, а затем обойти их с флангов и победить в последние две недели предвыборной кампании? Питомцем семейного дома в Гайд-Парке — таким, который никогда, по существу, не отрывался от семьи и оценивал людей и события на основе старомодных стандартов «положение обязывает», долга аристократа и идеалов отмирающего прошлого? Выпускником привилегированной школы Гротона — все еще воодушевлялся увещеваниями ее ректора Эндикота Пибоди насчет честности, общественной морали и справедливости? Государственным законодателем, принявшим в самый разгар реформ чуть ли не радикальный фермерский лейборизм в стиле партии Сохатого — Теодора Рузвель-

та? Политиком от коалиции демократов, научившимся сделкам и компромиссам с боссами демократической штаб-квартиры Таммани, профсоюзными лидерами, отцами города, аграриями с запада, умеренными республиканцами и сенаторами-изоляционистами? Интернационалистом типа Вильсона, добившегося создания Лиги Наций, а затем вышедшего из нее? Гуманистом, способным потратить миллиарды долларов на пособия по безработице и возмещение убытков и в то же время почти одержимо отстаивать сбалансированный бюджет? Врагом тоталитаризма, который во время мюнхенской агонии выступал в качестве наблюдателя, красноречивого, но бездеятельного? Мог ли он быть один во всех этих лицах?

Никто не мог бы ответить на эти вопросы в ночь после голосования в ноябре 1940 года, и, уж конечно, не соседи по Гайд-Парку. Однако они, возможно, придавали некоторое значение тому, что в этот теплый ноябрьский вечер вокруг Рузвельта собралась масса сограждан.

Здесь присутствовала его мать, все еще активная и подвижная на восемьдесят седьмом году жизни. В 1870-м она пленяла красотой, позднее стала молодой супругой мужчины на много лет старше себя. Влияние этой женщины на становление характера юного Рузвельта оказалось преобладающим. Она стремилась удержать сына в Гайд-Парке; политика, в ее представлении, предназначалась для вульгарных субъектов. Однако мать гордилась успехом сына и пыталась хотя бы в малом быть ему полезной. В ту ночь после выборов она поведала репортеру, что не может понять, почему бизнесмены так ненавидят ее сына.

— Говорят, будто он возбуждает классовую ненависть, но его душа совершенно чужда этому. Нас воспитывали не для того, чтобы делить людей на богатых и бедных.

Находилась рядом и Элеонора Рузвельт, сияющая, оживленная, в красном шифоновом платье, столь озабоченная необходимостью занять сорок с лишним гостей, что едва ли выкроила время, чтобы ознакомиться с итогами выборов. Трудное детство сделало ее особенно чувствительной к несчастьям; бывший гадкий утенок, она сделала прекрасную партию, но ее личные тревоги на том не прекратились. Ей пришлось выносить в Гайд-Парке тягостное великодушие Сары, годы забот о пятерых детях — и в итоге узнать, что ее великолепный, возлюбленный муж находится в любовной связи с другой женщиной. Люси Меркер сама Элеонора ввела в дом в качестве секретарши на неполный рабочий день. Моложе Рузвельта на десять лет, она принадлежала к бедному, но достаточно известному католическому семейству из Мэриленда. Сердце Рузвельта завоевала привлекательной внешностью, непосредственностью, занимательным способом общения и искренней любовью. Роман этот кончился, как полагала Элеонора, главным образом потому, что Франклин опасался реакции матери и политических последствий. Но кончился ли он на самом деле? Так казалось, когда болезнь мужа прогрессировала, но вот он стал выздо-